

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.43)''1883/1915''

**ДИНАМИКА СБОРА ОСНОВНЫХ ХЛЕБОВ В КРЕСТЬЯНСКИХ
ХОЗЯЙСТВАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1883–1915 ГГ.***А. Е. Ульянов*

Рассматривается динамика сборов основных злаковых культур, которыми засеивались крестьянские наделные земли одного из черноземных районов Европейской России – Самарской губернии. Приводятся данные о том, какие растения выращивались крестьянами, какие из них пользовались преимуществом при посевах, причины увеличения или уменьшения посевов и сборов отдельных культур. Сведения об урожайности выявлены, главным образом, на основе анализа важнейшего источника государственного происхождения – правительственной статистики с 1883 по 1915 г.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, наделные земли, сборы хлебов, урожайность, посевные площади, злаковые культуры.

Одним из самых главных показателей эффективности функционирования любого вида хозяйства дореволюционной России, будь то хозяйство крестьянское или помещичье, является итоговый сбор хлебов и иных многообразных полевых культур, которыми засеивались земли сельскохозяйственного назначения. В динамике урожайности, ее повышении или, напротив, понижении, находят свое конечное выражение хозяйственные достижения деревни, перспективность или гибельность основных тенденций развития крестьянско-помещичьего землевладения и землепользования, удачи или просчеты политики правительства в аграрной составляющей российской экономики. Именно поэтому вопросы урожайности различных посевов на полях основных производителей сельскохозяйственной продукции являются одной из самых актуальных проблем аграрной истории России конца XIX – начала XX в.

Все вышесказанное, естественно, в первую очередь относится к крестьянскому хозяйству, поскольку на рубеже XIX–XX столетий именно крестьяне являлись главными поставщиками хлеба на рынок. В силу этого не будет ошибочным мнение, что по урожайности тех или иных крестьянских культур можно в целом охарактеризовать состояние крестьянского земледелия, сделать общий вывод относительно того, удалось ли крестьянам наладить самостоятельное земледельческое производство, обеспечивающее их семьи и дающее возможность отбывать постоянно растущие денежные повинности. Вопрос о динамике сбора хлебов (и иных полевых культур) крестьянами интересен также и в том отношении, что, как известно, основным источником крестьянского дохода была продажа излишков, полученных от сельского хозяйства, причем преимущественно благодаря рыночному сбыту зерновых продуктов [Тагирова, 1999, с. 203].

Большинство отечественных исследователей, занимавшихся вопросами аграрной истории и истории крестьянства, сходятся во мнении, что, судя по урожайности продукции крестьянских хозяйств, все отмеченные выше вопросы оставались, как и прежде, открытыми, а имевшиеся в российской деревне достижения оставляли желать лучшего. Исключительно тяжелые условия, в которых велось крестьянское земледельческое хозяйство, его экстенсивная направленность далеко не способствовали его прогрессу [Милов, 1999, с. 410–412].

Постоянный интерес к вопросам сельского хозяйства в конце XIX – начале XX в. проявляло Правительство. Помимо прочего, этот интерес проявлялся в ведении различного рода сельскохозяйственной статистики. Причем основное внимание было сосредоточено на урожайной статистике, т. е. сборе хлебов и иных полевых культур (в первую очередь картофеля), в том числе и в крестьянских хозяйствах. До 80-х гг. XIX в. единственным источником, содержащим сведения о посевах и сборах хлебов всех категорий землевладельцев, были ежегодные губернаторские отчеты [Ковальченко, Моисеенко, Селунская, 1988, с. 26]. Особенность собираемых губернаторами сведений состояла в том, что они не позволяли определить производительность земледелия применительно к

единице площади. Учет посевных площадей и вычисление урожайности на единицу площади по отдельным культурам стал регулярно проводиться с 1881 г. Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел Российской империи [Юбилейный..., 1913, с. 12]. А с 1883 г. в серии публикаций «Урожай 18... го года» стали обнародоваться данные урожайной статистики. Другим достоинством новой системы сбора данных стал их «сплошной массовый характер» [Ковальченко, Моисеенко, Селунская, 1988, с. 27]. С этого времени возник новый тип источников, который является предметом рассмотрения в настоящей статье.

В 1928 г. Центральным Статистическим Управлением СССР была проведена серьезная работа по объединению данных ежегодных публикаций ЦСК МВД об урожайности по губерниям Европейской России (чем в некоторой степени был ликвидирован один из недостатков прежней системы – ежегодность и, как следствие, неудобство в работе с разрозненными материалами). Так появился «Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы Центрального Статистического Комитета по урожаям на наделных землях)». Составители «Свода» объединили данные опубликованных «Урожаев» за 33 года (1883–1915 гг.), правда, только те из них, которые касались наделных земель крестьян.

Представляется, что данный источник отличается достоверностью, а также точностью подобранных сведений. Кроме того, материалы, собираемые Центральным Статистическим Комитетом, удобны тем, что в полной мере отвечают требованиям их сопоставимости, так как «приемы регистрации» статистических сведений, как отмечали его составители, «в главных чертах оставались неизменными на протяжении всего периода» 1883–1915 гг. [Свод..., 1928, с. 3]. Учитывая данный факт, можно с уверенностью предположить, что, если даже «Свод» и содержит некоторые фактические ошибки и неточности, неизбежные при сборе любого статистического материала и использовании любых приемов его обработки, основные тенденции динамики урожайности на крестьянских полях им представлены вполне точно.

Не вызывает серьезных сомнений также тот факт, что по данным о посевах на наделных землях крестьян можно с достаточно высокой степенью достоверности судить о соответствующих сведениях, касающихся всех крестьянских земель, поскольку купленных и арендованных крестьянами угодий в процентном отношении к их общему количеству было относительно немного [Ульянов, 2009, с. 203–207]. В доказательство этого положения можно сослаться на Статистику землевладения 1905 г. по Самарской губернии.

В 1905 г. всего во владении самарских крестьян находилось 7.894.674 дес. [Статистика..., 1906, с. 30]. Из этого количества на наделные земли приходилось 85%, или 6.712.499 дес. [Там же]. Остальные 1.182.175 дес. (или 15% по отношению ко всем владениям сельских обывателей [Там же]) находились в частной личной собственности крестьян (803.053 дес.) и собственности крестьянских обществ и товариществ (соответственно 160.943 и 218.179 дес.) [Там же].

Еще большим разрыв в соотношении наделных и иных крестьянских земель наблюдался в 1877 г.: на 6.668.020 дес. наделной земли приходилось 365.372 дес. частной крестьянской земли и 42.562 дес. земли [Там же, с. 11–13], находящейся в собственности крестьянских обществ¹ (земли последних двух категорий составляли 6,1%² по отношению к общей площади наделной земли и еще меньший процент по отношению ко всем крестьянским угодьям). Из приведенных цифр хорошо видно, что общая тенденция, отражающая динамику изменения высева и сбора тех или иных культур, вполне достаточно представлена наделными землями.

Урожайность отдельных злаковых культур на крестьянских полях Самарской губернии в 1883–1915 гг. представлена в табл. Для удобства сравнения изменения урожайности погодные сведения, зафиксированные в источнике, суммированы нами по пятилетиям.

Сборы основных злаковых культур на наделных землях крестьян Самарской губернии (сам-сколько) [Свод..., 1928, с. 146–148]

	Рожь озимая	Овес яровой	Просо	Пшеница яровая	Полба	Ячмень
1883–1885	5,17	4,37	11,37	5,63	3,53	5,83
1886–1890	4,40	2,88	14,38	3,26	2,76	3,34
1891–1895	4,86	3,74	11,32	4,72	3,16	4,78
1896–1900	5,52	4,86	18,14	4,96	4,12	5,76
1901–1905	5,36	3,92	13,78	5,18	4,12	5,04

Окончание табл.

1906–1910	4,80	3,92	10,38	4,78	3,64	4,86
1911–1915	5,56	4,58	17,18	5,40	4,10	6,26

Уже первое беглое знакомство с приведенной таблицей говорит нам о том, что за 33 года урожайность хозяйств самарских крестьян изменилась незначительно. Общая тенденция по всем культурам в совокупности сводится к некоторому повышению сборов хлебов. Вместе с тем отдельные злаки имели свои особенности в плане их урожайности.

Самой распространенной крестьянской культурой была яровая пшеница. По причине постоянно растущего спроса на этот злак как на внешнем, так и на внутреннем рынке его посевы на всем протяжении 1883–1915 гг. неизменно исчислялись сотнями тыс. дес., а с конца XIX в. перевалили за 1 млн. дес. и далее только увеличивались. В Самарской губернии пшеница давала достаточно высокие сборы. Из табл. видно, что ее средняя урожайность за 1883–1915 гг. была на порядок выше урожайности многих других крестьянских культур и составляла сам 4,85 с десятины посева. В отдельные, правда, довольно редкие годы сборы яровой пшеницы доходили до сам 8 и даже 9 с дес. [Там же, с. 147]. Для сравнения, в соседней Симбирской губернии за 1883–1915 гг. яровая пшеница дала в среднем сам 3,47 с десятины посева [Там же, с. 159].

В отличие от яровой озимая пшеница была несколько более урожайной. Так, по данным «Свода» за 1902 г., ее средняя урожайность по губернии составила сам 8,2; за 1910 г. – сам 8,9; за 1912 г. – сам 9,0; за 1913 г. – сам 11,2 [Там же, с. 146]. Несмотря на повышенную урожайность, озимая пшеница считалась «владельческим» хлебом и крестьянами, в том числе и самарскими, практически не сеялась, либо сеялась на площади в несколько сотен десятин, что в масштабах губернии не имело сколь-нибудь серьезного значения.

Второй по распространенности среди самарских крестьян культурой являлась озимая рожь. В разные годы ей засевалось порядка 650–750 тыс. дес. надельных земель. Размер посевов ржи в Самарской губернии на протяжении 1883–1915 гг. фактически не увеличивался (некоторое увеличение имело место в начале XX в.) [Там же]. Поэтому данный регион, в отличие, например, от более северных областей (Симбирской, Пензенской губерний), нельзя назвать «ржаным» районом.

Урожайность ржи на протяжении 1883–1915 гг. немного повышалась, составив за итоговое пятилетие 1911–1915 гг. сам 5,78. Конечно, во многом это было связано с тем, что налицо был прогресс в возделывании этой традиционной культуры: улучшалось качество обработки земли, применялись удобрения, усовершенствованные орудия обработки почвы и т.п. Развивающиеся рыночные отношения выдвигали перед крестьянами не только проблему сбыта продуктов своего хозяйства, что при прежнем натуральном хозяйстве не играло особой роли, но и повышения производительности труда. Вместе с тем рожь изначально как злак имела много ценных свойств: давала всходы на различных почвах, отличалась устойчивостью к засухам и морозам и не требовала больших усилий при ее выращивании [Туганаев, 2002, с. 2–27]. Это растение являлось привычным и основным предметом крестьянского питания [Милов, 1999, с. 38–39; Громыко, 1991, с. 18–19]. Насколько важна была данная культура для крестьян, говорит следующее наблюдение современника: «Если хорошо уродилась рожь, то даже неудачный сбор яровых хлебов... в значительной мере обезврежен, тогда как при неурожае ржи даже прекрасный урожай яровых не в состоянии обеспечить в достаточной мере благосостояние сельского населения, и крестьяне не могут обойтись без продовольственных ссуд» [Россия..., 1902, с. 201]. Яровая рожь также давала неплохие урожаи [Свод..., 1928, с. 147]. Однако высевалось ее очень мало в связи с необходимостью соблюдения трехпольного севооборота и высева в яровом клину иных культур – овса, проса, гороха и т. д.

Другой самой распространенной после ржи культурой был овес, который шел преимущественно на корм скоту [Ульянов, 2009, с. 203–207]. Овес также был неприхотливым злаком [Милов, 1999, с. 39] и засевался во всех уездах Самарской губернии на почвах самого разного качества, но он требовал тщательной предварительной обработки земли (эта культура занимала наибольшие площади в Центрально-Черноземном и Промышленном районах, а также в Приуралье). Урожайность овса также постепенно возрастала: если за 1883–1895 гг. она составляла сам 3,66, то за время с 1901 по 1915 г. – уже сам 4,14. Неслучайно в связи с этим посевные площади овса также, как и пшеницы, постоянно, особенно с начала XX в., увеличивались.

Лидером урожайности не только среди злаковых, но и среди всех иных крестьянских культур

было просо. Ни одно другое растение не давало средних сборов в районе сам 13–14 с десятины посева, а порой и более. В отдельные годы урожайность проса более чем в два раза превышала средние показатели. Так, в 1886 г. она составила сам 25,2; в 1896 г. – сам 30,9; в 1902 г. – сам 28,8; в 1913 г. – сам 27,7 с десятины [Свод..., 1928, с. 148]. Показательно, что максимальная урожайность проса наблюдалась за пятилетие 1896–1900 гг., а также за пятилетие 1911–1915 гг., т. е. приходилась на середину и конец рассматриваемого нами хронологического отрезка.

В абсолютно подавляющем большинстве случаев просо сеялось на крестьянских, а не на помещичьих землях и ценилось сельскими обывателями в первую очередь именно за его способность давать неизменно высокие урожаи, а также за морозоустойчивость [Есиков, 2002, с. 87–95].

На рубеже XIX–XX столетий сельские жители Самарской губернии довольно активно продолжали выращивать и такой специфический злак, как полбу. Надо сказать, что из всех средневожских губерний Самарская была лидером по распространенности полбы. В Саратовской губернии этот злак занимал в среднем 1 тыс. дес., в Пензенской – 2–4 тыс. дес., и только в Симбирской губернии его посевы колебались чаще всего в пределах от 20 до 25 тыс. дес.

Наибольшее распространение в Поволжье полба получила в XVIII в., а в XIX в., особенно во второй его половине, наблюдалось сокращение посевных площадей под этим растением. Особенно хорошо это заметно на примере Самарской губернии. Связано это было с несколькими причинами. Во-первых, полба являлась разновидностью пшеницы, которая не очень ценилась на рынке в силу ее средних и даже ниже средних хлебопекарных качеств. Во-вторых, по сравнению с обычной пшеницей полбу было трудно молотить и очищать от примесей. Третья причина сокращения посевов полбы крылась в ее более низкой по сравнению с пшеницей урожайности. Средний сбор полбы за 1883–1915 гг. составил сам 3,63 с десятины [Свод..., 1928, с. 148], а у наиболее распространенной яровой пшеницы, как мы уже отмечали выше, он составлял сам 4,85 с десятины. В условиях рыночного хозяйства это фактор, на наш взгляд, являлся определяющим.

Несмотря на невыразительные сборы, полба у самарских крестьян испокон веков пользовалась популярностью за то, что по сравнению с иными злаками она мало нуждалась в удобрении, не требовала большой заботы, потому что, как предок пшеницы, являлась полудиким растением, ее колосья не осыпались при созревании, стебли не полегали и не ломались даже при сильных ветрах и дождях. По своим питательным свойствам полба также превосходила пшеницу: была богаче протеином, не насыщена жирными кислотами и клетчаткой, легче и быстрее усваивалась организмом, обладала способностью укреплять иммунную систему человека, имела сбалансированное сочетание всех важных элементов и витаминов и, что немаловажно, сохраняла их ценность при изготовлении муки. Именно поэтому полба в Самарской губернии повсеместно использовалась в крестьянском питании.

Кроме того, полба как растение обладает особой структурой колоса: в нем зерна укутаны жесткой чешуйкой несъедобной мякины. Эта «броня», доставшаяся в наследство от предков-сорняков, как нельзя лучше защищает зерно от вредителей, сорняков, от внешних загрязнений, от потери влаги и иных неблагоприятных факторов, что было чрезвычайно актуально в условиях хозяйствования XIX – начала XX в., делало злак устойчивым к капризам природы.

Вероятно, именно по этим причинам сборы полбы в Самарской губернии отличались большей стабильностью, нежели иные злаковые. Практически на всем протяжении 1883–1915 гг., как видно из табл., они постепенно увеличивались. Если сравнивать первую и вторую половины избранного нами для исследования хронологического отрезка, то становится заметным, что за 1883–1895 гг. средняя урожайность полбы составила сам 3,15, а за 1901–1915 гг. – сам 3,95 с десятины [Там же]. Соответственно, можно заключить, что увеличивалась и производительность крестьянского хозяйства региона.

Довольно урожайным был второй по важности после овса кормовой злак – ячмень. Его средний сбор за 1883–1915 гг. составлял сам 5,12 с десятины посева [Там же, с. 147]. Ячмень был устойчив к заморозкам и засухе (благодаря глубокому проникновению корней в почву), отличался скороспелостью и успевал созреть за короткое лето (для полного вызревания требовалось 50–100 суток), не требовал для выращивания высоких температур (15–22° вместо 22–25°, необходимых для пшеницы), хорошо рос на повсеместно распространенных в Самарской губернии суглинках. При обработке земли под посев ячменя не требовалась трудоемкая вспашка плугом (достаточно было несложного рыхления грунта на глубину до 12–14 см), а при севообороте послепосевное поле

удобно было пускать под пар, т. е. травы, что хорошо сочеталось с традиционным крестьянским животноводством. Кроме того, лист ячменя самый широкий из всех злаков, что позволяет ему более эффективно поглощать солнечную энергию и одновременно глушить или ослаблять рост сорняков. Данное обстоятельство в совокупности со способностью ячменя к послеуборочному дозреванию делало его незаменимым в нестабильном климате Самарского региона.

Благодаря указанным качествам и улучшившимся к началу XX в. агротехническим приемам обработки почвы сборы ячменя с 1883 по 1915 г., согласно табл., повышались. Примечательно, что самым урожайным пятилетием стали 1911–1915 гг., за которые средняя урожайность составила сам 6,26. В целом же за вторую половину 1883–1915 гг. сборы ячменя увеличились на 14% [Там же].

Ячмень имел один существенный недостаток – он использовался практически только на корм скоту (причем преимущественно для менее разводимых свиней, а не лошадей и овец) и птице. Поэтому по сравнению с овсом сеяли его крестьяне относительно немного – порядка 60–80 тыс. дес. на всю губернию [Там же].

Отмечая некоторое повышение сборов почти всех злаковых культур, выращиваемых крестьянами Самарской губернии на рубеже XIX–XX столетий, следует отметить, что в это же время прирост крестьянского населения намного опережал рост урожайности. В подобных условиях необходимые сельским жителям продукты сельского хозяйства могли быть получены главным образом за счет введения в оборот новых угодий. То есть сельское хозяйство Самарской губернии развивалось преимущественно вширь, а не вглубь, за счет распашки новых, а не за счет улучшения качества обработки прежних территорий. Объективно этому способствовали значительные неосвоенные площади, «которые имелись в южных уездах и в меньшей степени – во всей губернии» [Савельев, 1994, с. 101].

Понятно, что урожайность в различных уездах Самарской губернии сильно различалась. Она могла резко различаться даже в граничащих волостях одного и того же уезда. В подтверждение наших слов можно привести сведения о посевах и сборах отдельных полевых культур в крестьянских хозяйствах соседней Пензенской губернии. К примеру, в Шадринской волости Наровчатского уезда в 1880 г. урожайность озимых составляла сам 3 и яровых – сам 2, а в соседней Козеевской – сам 6 и сам 5 соответственно³. На подобный разброс показателей влияли многочисленные факторы: заболевания посевов, сельскохозяйственные вредители (например земляная блоха), потравы полей скотом и др.⁴ Но решающую роль в местном сельском хозяйстве играл, конечно, погодный фактор, так как Самарская губерния, как и весь Черноземный центр России, входила в зону «рискованного» земледелия, «где особой бедой... были и дождливая затяжная погода... и нередкие засухи» [Милов, 1999, с. 384], а также морозы, градобития и т. п.

Приведенные выше сведения позволяют нам сделать вывод о том, что сборы хлебов в крестьянских хозяйствах Самарской губернии в конце XIX – начале XX в. медленно, но неуклонно возрастали. В масштабах отдельно взятой губернии вышеизложенный материал подтверждает известные выводы современных исследователей российской деревни о небольшом увеличении урожайности зерновых по всей стране [Современные..., 1995, с. 142–147; Милов, 1999, с. 415–416]. Безусловно, это было прогрессивным явлением в жизни самарской деревни, со всей очевидностью доказывающим увеличение производительности крестьянского хозяйства, внедрение в производство новых аграрных технологий, усовершенствованных орудий обработки почвы, многопольных севооборотов, применение удобрений, специальных семян и т. д.

Примечания

¹ Земель в собственности крестьянских товариществ на 1877 год не имелось.

² Подсчитано нами по: [Статистика..., 1906, с. 10–13].

³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4896. Л. 1, 3, 10, 16; Д. 4270. Л. 1–6; Д. 6776. Л. 10.

Библиографический список

Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 4270, 4896, 6776; Ф. 158. Оп. 1. Д. 1.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Есиков С. А. Зерновое производство крестьянских хозяйств Тамбовской губернии в годы нэпа // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб.

науч. ст. Вып. 4. Б.м., 2002.

Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1999.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1902. Т. 2.

Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (Материалы Центрального Статистического Комитета по урожаям на надельных землях). М., 1928.

Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 6.

Статистика землевладения 1905 года. Вып. 28. Самарская губерния. СПб., 1906.

Тагирова Н. Ф. Динамика хлебных цен и крестьянское хозяйство Среднего Поволжья (конец XIX – начало XX века) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Холмоград, 1999.

Туганаев А. В. Рожь на полях средневекового Предуралья и Среднего Поволжья // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002.

Ульянов А. Е. Посевные площади основных сельскохозяйственных культур на надельных землях крестьян Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. 2009. № 3(4).

Юбилейный сборник ЦСК. 1863–1913 гг. СПб., 1913. Отд. III.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2010